

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, №1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, № 1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ
2025 Том 30, №1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Федорук О.А., Федорук А.С., Папин Д.В. Андроновский (федоровский) комплекс могильника Фирсово-14 (материалы раскопок 2020 г.)	7
Шишикина О.О., Советова О.С., Сирюкин И.В. «Поздние» изображения на курганных камнях тагарского могильника у горы Тепсей	29
Власкина Т.Ю. К изучению погребальной обрядности донских казаков: оформление могилы необработанными камнями и связанные с ними представления	47

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Содномтилова М.М. Огонь в информационном пространстве тюрко-монгольских народов Сибири	70
Степанова О.Б., Караваев Э.Ф. Представления о времени в традиционном мировоззрении селькупов	86
Юша Ж.М. Защита жизни ребенка в обрядах и верованиях тувинцев России, Китая, Монголии: традиция и современность	100

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Моради М. Астральная и мистерическая символика в зороастризме	113
Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цэцэнбилэг Ц. Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии конце ХХ — начале ХХI в.....	137
Дударенок С.М. Религиозный ландшафт Хабаровского края в 1990-е гг.: особенности формирования и тенденции развития.....	151
Маркова Н.М., Аринин Е.И., Кузнецова Л.Э. Комплаенс, религионимы и конфессионимы до религий и конфессий: вызовы академическому религиоведению.....	170
Мусаев В.И. Польско-литовские противоречия в католических общинах в России в начале ХХ в.....	193
Юрганова И.И. О христианизации чукчей на страницах «Якутских епархиальных ведомостей»	210
Дашковский П.К., Траудт Е.А. Православные общины Бурятской АССР в условиях изменения советской вероисповедной политики во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг.....	227
ДЛЯ АВТОРОВ	256

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Fedoruk O.A., Fedoruk A.S., Papin D.V.</i> Andronovo (fedorovo) complex of the Firsovo-XIV burial ground (materials of the 2020 excavations).....	7
<i>Shishkina O.O., Sovetova O.S., Siryukin I.V.</i> “Late” images on the burial stones of the Tagar burial ground near Mount Tepsey.....	29
<i>Vlaskina T.Yu.</i> The funeral rite of the Don Cossacks: raw headstones and related concepts	47

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Sodnompilova M.M.</i> Fire in the media scene of the Turkic and Mongolic peoples of Siberia	70
<i>Stepanova O.B., Karavaev E.F.</i> Ideas of time in the traditional worldview of the selkups.....	86
<i>Yusha Zh.M.</i> Child protection in the rituals and beliefs of Tuvs Russia, China, and Mongolia: tradition and modernity	100

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSITIONAL RELATIONS

<i>Moradi M.</i> Celestial and mystical symbolism in zoroastrianism	113
<i>Aktamov I.G., Badmatsyrenov T.B., Tsetsenbileg Ts.</i> Buddhism and post-secular society: socio-religious processes in Mongolia in the late 20th and early 21st centuries ...	137
<i>Dudarenok S.M.</i> The Religious Landscape of the Khabarovsk Region in the 1990s: Features of Formation and Development Trends	151
<i>Markova N.M., Arinin E.I., Kuznetsova L.E.</i> Compliance, Religion names and Confessional names before Religions and Confessions: Challenges to Academic Religious Studies.....	170
<i>Musaev V.I.</i> Differences between the Poles and the Lithuanians in the Roman-Catholic Communities in Russia in the early Twentieth Century.....	193
<i>Yurganova I.I.</i> The Christianization of the Chukchi within the context of the <i>Yakut Diocese Gazette</i>	210
<i>Dashkovskiy P.K., Traudt E.A.</i> Orthodox communities of the Buryat ASSR in the context of changes in Soviet religious policy in the second half of the 1980s and early 1990s.	227
FOR AUTHORS.....	256

УДК 39

DOI 10.14258/nreur(2025)1-06

Ж. М. Юша

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера),
Санкт-Петербург (Россия)

ЗАЩИТА ЖИЗНИ РЕБЕНКА В ОБРЯДАХ И ВЕРОВАНИЯХ ТУВИНЦЕВ РОССИИ, КИТАЯ, МОНГОЛИИ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье проанализирована защита жизни ребенка в обрядах и верованиях тувинцев материнского поля и зарубежных анклавов в прошлом и современности. В зафиксированных обрядах, направленных на сохранение жизни ребенка, происходит имитация смерти ребенка с целью обмана злых духов. В них актуальным ритуальным пространством являются порог и дверь жилища, которые олицетворяют границу между «своим» и «чужим» мирами. Проведение данного обряда преследует цель убедить злых духов в смерти малыша, чтобы лишить нечистую силу возможности нанести вред ребенку и пустить ее по ложному следу. Установлено, что до настоящего времени особую роль выполняют поверья и запреты, призванные защищать детей от злых духов, от глаза и порчи посторонних людей. Выявлено, что украшения матери ребенка выполняют функции оберегов, обладают способностью удерживать жизненную силу ребенка. Рассмотрены ограничения, связанные с одеждой и вещами детей, поскольку их излишки, в мифологических воззрениях тувинцев, могли привести к недостаче в будущем. Охарактеризованы общие и отличительные особенности защиты жизни ребенка в обрядах и верованиях, выявлена трансформация некоторых представлений и ритуалов. Источниками исследования стали опубликованные этнографические данные, а также новый полевой материал, зафиксированный автором в материнском поле и зарубежных анклавах. Хронологические рамки исследования — конец XX в. — начало XXI в.

Ключевые слова: тувинцы России, Китая, Монголии; этнография детства; защита жизни ребенка; обряд; верование; ритуально-мифологический контекст; материнское поле; анклавные и локальные традиции.

Цитирование статьи:

Юша Ж. М. Защита жизни ребенка в обрядах и верованиях тувинцев России, Китая, Монголии: традиция и современность // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 1. С. 100–112. DOI 10.14258/nreur(2025)1-06.

Zh. M. Yusha

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg (Russia)

CHILD PROTECTION IN THE RITUALS AND BELIEFS OF TUVANS RUSSIA, CHINA, AND MONGOLIA: TRADITION AND MODERNITY

The article provides a comprehensive analysis of the protective measures surrounding child welfare within the rituals and beliefs of the Tuvan people, both in maternal contexts and foreign enclaves, across historical and contemporary settings. It highlights the practice of ritualistic death imitation as a means to mislead malevolent spirits, emphasizing the threshold and door of the home as significant ritual spaces that symbolize the division between familiar and foreign realms. The primary objective of these rituals is to persuade evil spirits of the child's demise, thereby mitigating potential harm and redirecting malevolent influences.

The study underscores the enduring significance of beliefs and prohibitions aimed at safeguarding children from malevolent forces, including the evil eye and harm from outsiders. It also notes the role of maternal jewelry as protective amulets, which are believed to preserve the child's vitality. Furthermore, the research examines the cultural restrictions surrounding children's clothing and possessions, positing that excess in these areas may lead to future deficiencies, according to Tuvan mythological perspectives.

The article delineates both the commonalities and unique aspects of child protection within Tuvan rituals and beliefs, while also documenting the evolution of certain concepts and practices. The research draws upon published ethnographic data and new fieldwork conducted by the author in maternal contexts and foreign enclaves, with a chronological focus spanning from the late 20th century to the early 21st century.

Keywords: Tuvinians of Russia, China, Mongolia; ethnography of childhood; protecting the life of a child; ritual; belief; ritual and mythological context; mother field; enclave and local traditions

For citation

Yusha Zh. M. Child protection in the rituals and beliefs of Tuvans Russia, China, and Mongolia: tradition and modernity. Nations and religions of Eurasia. 2025. Vol. 30. No. 1. P. 100–112 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)1–06.

Юша Жанна Монгеевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** zhanna-yusha@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4076-4553>

Yusha Zhanna Mongelevna, Doctor of Philology, Leading Research Associate, Department of Ethnography of Siberia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography

(Kunstkamera) Russian Academy of Science, Saint-Petersburg, Russia. **Contact address:** zhanna-yusha@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4076-4553>

Введение

В обрядах и верованиях тувинцев, как и раньше, огромное значение придается защите жизни и здоровья ребенка. Первые краткие упоминания о детской обрядности тувинцев появились в конце XIX — начале XX в. в трудах Г. Е. Грумм-Гржимайло [1926], Г. Н. Потанина [1883], Е. К. Яковлева [1900]. В настоящее время детской обрядности тувинцев посвящены работы С. И. Вайнштейна [1961, 2008], В. П. Дьяконовой [1988], Л. Потапова [1969], С. Н. Соломатиной [1985], М. Б. Кенин-Лопсана [1994, 2002], Ж. М. Юша [2006, 2009, 2018], Ч. К. Ламажаа [2015] и других, в которых выявлены и описаны основные этапы родильных обрядов, изучена структура и семантика ритуальных текстов детского цикла. По обрядовой лексике имеются публикации Л. С. Кара-оол [2019], С. С. Ооржак и М. В. Бавуу-Сюрюн [2020], где проанализирована лексико-тематическая группа родовспоможения и ритуальных действий, характерных для детской обрядности.

Актуальность настоящей работы определяется тем, что тема защиты жизни ребенка в обрядах и верованиях материнского поля и зарубежных анклавах до настоящего времени не изучена в сравнительно-сопоставительном плане, поэтому на основе опубликованных сведений и новых полевых материалов назрела необходимость проведения исследования данного пласта обрядовой культуры в тувинской традиции.

Цель статьи — описание и анализ семантической направленности обрядов и обычеств, направленных на защиту жизни ребенка; выявление общих и отличительных особенностей защиты жизни ребенка в обрядах и верованиях тувинцев России, Китая, Монголии; рассмотрение поверий и запретов, связанных с ограничениями в использовании одежды и обуви малыша, игрушек ребенка, причин обязательного ношения украшений матерью ребенка; характеристика отличительных особенностей имянаречения ребенка в материнском поле и зарубежных тувинских анклавах.

Новизна работы заключается в том, что защита жизни ребенка, проявляющаяся в обрядах и верованиях детского цикла, рассмотрена в рамках общетувинской традиции с учетом диахронии и синхронии, что дает возможность выявить устойчивость или трансформацию мифологических взглядов и обрядовых практик. Источниками для исследования послужили, во-первых, наблюдения и полевые материалы автора, собранные в течение ряда экспедиционных сезонов 2016–2023 гг. в Эрзинском, Овюрском, Сут-Хольском, Тес-Хемском кожуунах Республики Тыва, а также в местах проживания тувинского населения в Алтайском аймаке Или-Казахской области Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, в местах расселения тувинцев в Баян-Ольгийском, Дарханском, Ховдинском, Сэлэнгинском, Тов аймаках Монголии; во-вторых, опубликованные материалы, посвященные традиционной культуре тувинцев.

Обряды и обычаи, направленные на защиту жизни ребенка

Рождение ребенка является огромной радостью и желанным событием в жизни семьи. В прошлом из-за высокой детской смертности тувинцы России, Китая, Монго-

лии проводили различные обряды, направленные на сохранение жизни и здоровья ребенка. Особенно это касалось тех семей, в которых часто умирали дети. Тувинцы таких людей называли *уруг-дарыы ызырттынмас улус* (букв. «люди, у которых не задерживаются дети»).

В наши дни, несмотря на современные условия жизни и медицинское обслуживание, тувинцы материнского поля и зарубежья, как и раньше, в качестве превентивных мер проводят ритуалы, направленные на защиту детей. В отличие от других ритуалов детского цикла, данные обряды скрыты от чужих глаз, о них не говорят посторонним, а ритуальные действия совершаются в узком кругу. Большое значение придают дате проведения ритуалов, при этом придерживаются благоприятных дат восточного лунного календаря.

В обрядовой практике популярным способом защиты детей у всех этнолокальных тувинских групп является имитация смерти ребенка. Как в прошлом, так и в наши дни, необходимость проведения ритуалов защиты ребенка преследует следующие цели: 1) убедить злых духов о смерти малыша с тем, чтобы лишить их возможности нанести вред ребенку; 2) сбить нечистую силу с толку, пустить ее по ложному следу.

В жилище ритуальным пространством является место рядом с порогом и дверью жилища, поскольку порог и дверь считаются пограничной зоной между «своим» и «чужим» мирами. Участниками подобных ритуалов, как правило, являются родители ребенка, в некоторых случаях к ним могут присоединиться другие взрослые члены семьи. В акциональных и предметных кодах ритуалов, направленных на защиту детей, в локальных и анклавных традициях наблюдается определенная вариативность.

Так, в анклавной традиции китайских тувинцев, если в семье часто болеют дети, чтобы спасти малыша, имитируют смерть ребенка. Обряд защиты китайские тувинцы деревни Ханас проводят следующим образом. Ребенка, завернув в войлок, проносят через яму, выкопанную под порогом юрты, и отдают на некоторое время многодетным родственникам, у которых имеются здоровые дети. На значение описанного ритуала может пролить свет обычай российских тувинцев оставлять у порога завернутый в овчью шкуру «труп умершего маленького ребенка, которого хоронили сразу после смерти в любое время суток» [Потапов, 1969: 156]. Примечательно, что дверь и порог жилища олицетворяли границу между освоенным и неосвоенным мирами, поэтому не случайно это было ритуальным пространством, подходящим для имитации смерти новорожденного. Считают, что после проведенных манипуляций опасный для младенцев период уже миновал, и последующие дети в их семье будут здоровыми.

Юго-восточные тувинцы, если в семье в младенческом возрасте болеют или умирают дети, проводят следующий защитный обряд. Находят «длинный» камень, напоминающий человека. Вместо настоящего ребенка на кровать помещают этот камень, накрывают его одеялом, создавая видимость спящего ребенка, а самого малыша кладут возле двери жилища [ПМА-2], тем самым показывая, что ребенок умер. В этом случае отправители обряда верят, что все невзгоды и болезни ребенка будут перенесены на предметный код обряда — каменного «младенца», лежащего на кровати, а настоящий малыш будет посчитан мертвым, вследствие чего его обойдут козни нечистой силы.

Зафиксировано проведение и другого варианта этого же обряда в материнском поле. Например, в некоторых случаях на полу возле двери ребенка оставляют в колыбели [ПМА-3]. Важным акциональным действием также является перешагивание колыбели участниками ритуала (родители ребенка, члены семьи), в которой лежит ребенок. Как видим, здесь имитируют смерть ребенка, сознательно уничтожительно обращаются с его телом и колыбелью, чего в обычной жизни никогда не наблюдалось. Обращает на себя внимание и пространственное положение ребенка, находящегося возле двери и порога жилища, которые являются пограничной зоной юрты.

Проведение схожего обряда в несколько ином варианте в наши дни также практикуется у российских тувинцев. Возле двери жилища на полу оставляют младенца, участники ритуала — родители ребенка, члены семьи должны перешагивать этого ребенка, также показывая, что ребенок умер [ПМА-6]. После описанных ритуальных действий малыша уносят в дом родственников, там его оставляют на несколько дней, таким образом демонстрируя, что его нет в живых.

В прошлом во всех этнолокальных тувинских группах использовались и другие способы защиты новорожденных детей путем их увоза к родственникам. У монгольских тувинцев, в том случае, если новорожденный был слабым, на несколько месяцев отдавали родственникам, у которых были здоровые дети. В этом случае верили, что ребенок не только выживет в другой семье, но и притянет жизненную силу будущих детей в родную семью.

Тот человек своего сына отдал в семью старшего брата, потом его дети перестали умирать, у них родился второй мальчик [ПМА-4].

Схожие представления и способы защиты детей в прошлом соблюдались китайскими тувинцами, но в наши дни подобная практика уже не существует. У российских тувинцев это практика защиты жизни ребенка сохранилась в мифологических представлениях о близнецах.

Тувинцы особо относились к рождению разнополых близнецов. Бытуют воззрения о том, что близнецы от рождения имеют одну жизненную силу-кут на двоих, из-за чего они могут навредить друг другу, поскольку будут «давить» друг на друга (*бот-боттырын басчы бээр*). Поэтому в наши дни российские тувинцы разнополых близнецов стараются как можно скорее, после их рождения, отделить друг от друга. Обычно мальчика увозят к многодетным родственникам, живущим в другой местности, сроком до двух месяцев. Подобная практика отделения близнецов раньше встречалась у китайских и монгольских тувинцев.

После рождения близнецов их разлучают, в разных местах их содержат, в одном месте (они) не могут быть. Раньше близнецов в одном месте не держали, сейчас это уже не имеет значения [ПМА-4].

Как показывает полевая практика, временный увоз близнецов к родственникам в наши дни не практикуется в зарубежных анклавах, но в материнском поле все еще сохраняется.

В юго-восточной Туве имеются представления и о том, что для разнополых близнецов представляет определенную угрозу период полового созревания в подростковый период. В это время их также пытаются «отделить друг друга» сроком до двух ме-

цев. Обычно такое «отделение» проводят в летнее время, когда у детей школьные каникулы [ПМА-2].

В детском цикле широко используют соленую воду с добавлением топленого масла, можжевельника, зеленого чая. Соленая вода является не только средством очищения, она наделяется особой магической силой, которая может придать ребенку определенные положительные качества: крепкое здоровье, выносливость, силу духа, необходимые для последующей жизни. Если процесс «засаливания» детей у западных тувинцев раньше продолжался до девятилетнего возраста [Кенин-Лопсан, 2002: 35], то в наши дни «соление» в основном происходит только в первый месяц после рождения ребенка, также поступают и китайские тувинцы. В отличие от остальных групп, монгольские тувинцы детей обязательно купают в специально приготовленном мясном бульоне до трех лет вне зависимости от пола ребенка. Описанное купание детей происходит еженедельно в сельской местности и даже в городских тувинских семьях Уланбатара. Схожее купание детей в мясном бульоне в наши дни отмечено у монголов.

У всех этнолокальных тувинских групп в наши дни, как и раньше, колыбель является одной из сакральных вещей, которую запрещалось передавать чужим людям. По материалам В. П. Дьяконовой, зафиксированным в 1970-е гг. в Западной Туве, «изготовить колыбель мог только почтенного возраста мужчина, не родственник семьи, что объяснялось тем, что за рубку дерева человек несет проклятие, а поэтому делать колыбель мог только чужой. В семье, когда привозилась колыбель, устраивали небольшое торжество и обряд ее обживания. В юрте старики, изготавливший колыбель, изображая ребенка, клал в нее свою голову и произносил благопожелание. После этого в колыбель укладывали щенка, ибо собака, по представлениям тувинцев, должна была отпугивать нечисть» [Дьяконова, 1988: 155–156].

В приведенном примере можем увидеть ритуально-мифологический подтекст, связанный с защитой жизни и здоровья ребенка. В первую очередь при изготовлении колыбели и укладывании новорожденного в колыбель большое значение имели возраст и пол участников этого действия. Обращает внимание и то, что старики-мастера, проживший большую часть своей жизни, одним из первых кладет свою голову в колыбель малыша, тем самым он символически «дарит» свой почтенный возраст ребенку, тем самым он желает ему прожить до преклонных лет. В данном ритуале важно и то, что колыбель обживается щенком, который является «заместителем» малыша. Поэтому щенок не только отпугивает возможную нечистую силу, но и в дальнейшем он может «забирать» себе все невзгоды и болезни ребенка. Однако в настоящее время схожие обряды изготовления колыбели и укладывания в нее малыша уже не проводятся, современное поколение не знает о существовании в прошлом этого ритуала.

Однако в детском цикле у всех этнолокальных тувинских групп живучими оказались следующие поверья о кровати младенца, которая в наши дни заменила колыбель новорожденного. Согласно нашему опросу, молодые матери детскую кроватку даже днем не оставляют пустой, в обязательном порядке на ней оставляют ножницы или нож — режущие предметы, которые должны защищать детское место. В противном случае считается, что злые духи могут занять пустующее место, что в дальнейшем может угрожать здоровью ребенка. До сих пор обереги животного происхождения: когти медве-

дя или клык волка, стараются подвешивать к кроватке ребенка. По мнению тувинцев, они обладают охранной функцией.

Согласно мифологическим представлениям тувинцев, «ребенок, начавший рано, самостоятельно и быстро ходить, не будет иметь долгую жизнь» [Дьяконова, 1988: 157]. Поэтому малышам, начавшим самостоятельно делать первые шаги намного раньше, чем положено, всячески старались помешать — к детской обуви привязывали различные предметы, которые были призваны утяжелить ноги, чтобы ребенку было трудно ходить. Как отмечает В. П. Дьяконова, «раньше тувинцы привязывали к шубке начавшего ходить ребенка деревянную ступку (согааш)» [Дьяконова, 1988: 157]. Нежелание ранней ходьбы малыша связывали с представлениями о защите его жизни и пожеланиями ему долголетия. По нашим материалам, предметы, которые использовались для утяжеления ног ребенка, раньше обязательно очищали дымом можжевельника, после чего их можно было использовать без боязни навредить ребенку [ПМА-2]. Как показывает полевая практика последних лет, в зарубежных тувинских анклавах Китая и Монголии в прошлом также присутствовали схожие воззрения об опасности ранней ходьбы ребенка, о которых помнят пожилые люди. В наши дни в материнском поле и анклавных традициях эти представления потеряли свою актуальность, молодые родители зачастую не владеют этими мифологическими знаниями, поэтому раннюю ходьбу ребенка считают показателем физической развитости.

Поверья и запреты, связанные с защитой жизни детей

В тувинской культуре для обеспечения защиты жизни детей до настоящего времени большую роль играют поверья и запреты, представления о том, что для защиты жизни ребенка важным являются соблюдение временного кода, ограничений в использовании одежды и обуви малыша, игрушек ребенка, обязательного ношения украшений матерью ребенка, особенностей имянаречения.

Во всех этнолокальных тувинских группах считали, что после захода солнца в вечернее время, когда по народным представлениям активизировалась нечистая сила, маленьких детей на улицу лучше не выводить. При необходимости лоб ребенка мажут сажей, веря, что тем самым, они передают его душу под защиту духа-хозяина родового огня и его не увидят злые духи. Китайские тувинцы полагают, что ребенок, вымазанный сажей, злым духам видится серым зайцем, поэтому взрослые приговаривают: «Ребенок не выходил — серый заяц вышел» [Юша, 2018: 198]. Судя по мифологическим рассказам российских тувинцев, «ребенка, на лбу, которого помазана сажа, злой дух не видит совсем» [Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010: 165].

Идентичные представления у российских, китайских, монгольских тувинцев имеются по отношению к детской одежде и игрушкам. В пограничное время их также не оставляют на улице, что связано с верой в то, что злые духи могут поиграть с ними, а в итоге это может навредить здоровью ребенка. Придерживаются мнения о том, что в одежде и игрушках ребенка, если ими пользуются долгое время, остается жизненная сила ребенка, поскольку все еще сохраняются отголоски архаичных воззрений о нахождении и способе хранения жизненной силы в различных предметах. Поэтому в целях охраны здоровья и жизни малыша тувинцы избегали передачи детских вещей малознакомым людям.

С раннего детства родители заботились о будущем благополучии малыша. Считали, что некоторые ограничения в жизни ребенка, связанные с одеждой и вещами, необходимо соблюдать начиная с младенчества. В материнском поле и зарубежных тувинских анклавах существовали взгляды о том, что ребенок, имевший в детском возрасте много вещей и одежду, может исчерпать свой «баланс», быстро изживет свой жизненный век, или во взрослом возрасте его ожидает бедная жизнь без возможности купить обновки [Юша, 2018: 205]. Некоторые молодые родители, наслышанные об этих народных представлениях, в наши дни стараются давать детям поношенную одежду и вещи родственников, бывшие в употреблении, чтобы в будущем несоблюдение этого предписания не привело к их недостаче.

В тувинской культуре с осторожностью относились ко всему новому, предназначенному для ребенка. В локальной традиции южных тувинцев новую обувь ребенка в первую очередь надевали на поварешку или пест для толчения чая, говорили благопожелания [ПМА-5]. В этом примере видно, что в охранных целях новую вещь, предназначеннную ребенку, «тестируют» на другом предмете-жертве, который может «забирать» себе болезни и напасти, связанные с ребенком. В противном случае считается, что новые вещи могут пережить своего хозяина, т. е. «забрать его жизнь». В мифологических представлениях песту для толчения чая и поварешке также приписывают свойство оплодотворять или способствовать оплодотворению, поскольку ноги связывают с производительным телесным низом.

До настоящего времени нарынские тувинцы, проживающие вдоль границы с Монголией, в целях охраны здоровья ребенка перед жилищем вешают красную материю, означающую, что вход в жилище запрещен. Судя по полевым материалам, подобные сигналы для посторонних имеют место в трех случаях: 1) в жилище недавно родился малыш; 2) в жилище имеется больной ребенок или он часто болеет; 3) младенец ведет себя плаксиво при виде чужих людей [ПМА-5]. Эти запреты, соблюдаемые в народе, носят рациональный характер, необходимый для защиты здоровья не только ребенка, но и его матери. Схожие запреты отмечены у монгольских народов [Басаева, 1991].

Во всех этнолокальных группах существуют взгляды о том, что женские украшения (кольца, серьги, браслеты) из любого материала, которые носит в повседневной жизни мать ребенка, выполняют функции оберегов, защищают ребенка от сглаза и порчи посторонних людей. Считали, что украшения матери обладают способностью удерживать жизненную силу-кут своего ребенка во время его болезни или несчастных случаев.

Мама детей не должна быть без серег, у нее должны быть серьги. Жизненная сила всех ее детей цепляется за ее серьги, есть такая история, так говорят [ПМА-4].

По этому случаю в устных нарративах имеется мотив предостережения молодых матерей, что им в обязательном порядке нужно носить украшения, поскольку их ношение обеспечивает жизнь и здоровье собственных детей. У цэнгэльских тувинцев на эту тему имеется следующий нарратив:

После смерти сына, когда его мама была на приеме у ясновидящего человека или уламы-шамана, то сунезин-жизненная сила того сына рассказала: «У матери, чтобы зацепиться, ничего у нее не было. Если у нее были кольцо, серьги, то за них зацепившись,

я остался бы живым». Тот ясновидящий человек сказал матери: «Вот так твой сын плачет, его жизненная сила так рассказала мне». После этого случая серьги и кольцо нужны для женщины [ПМА-7].

Схожее предостережение в виде нарратива встречается и в материнском поле. В нем повествуется о женщине, которая игнорировала ношение любых украшений, из-за чего она потеряла ребенка, у которого *тын*-душа во время несчастного случая не смог «зазепиться» за мамино украшение, поскольку мать не носила украшений [ПМА-6]. Устный рассказ также состоит из следующих сюжетных линий: смерть ребенка — объяснение шамана о причине смерти в результате «разговора» с душой умершего — важность ношения украшений для матери.

В тувинской культуре наречение ребенка имеют как общие, так и отличительные признаки. К общему пласту мифологических представлений относится общетувинский обычай давать детям неблагозвучные прозвища, которые выполняли защитную функцию. Эта тема успешно показана во многих работах о тувинской культуре [Дьяконова, 1988; Потапов, 1969; Юша, 2006; 2009; Сувандий, 2019]. Кроме этого, если во всех этнокультурных группах прошлом в целях защиты жизни детей мальчиков нарекали женским именем, то в настоящее время эта традиция уже не практикуется.

В настоящее время у тувинцев материнского поля и анклавных традиций имеются отличительные особенности в имянаречении ребенка.

У российских тувинцев бытуют представления о том, что к выбору имени разнополых близнецов следует относиться с осторожностью, поэтому многие родители обращаются к уважаемым людям, буддийским ламам, шаманам, в котором отчетливо видно отражение религиозного синкретизма, существующего до настоящего времени. Считают, что имена разнополых близнецов должны соответствовать друг другу, они не должны быть взаимоисключающими. Например, в Туве из близнецов мальчику дали имя Аганак «степная птица», девочку специально нарекали мужским именем Ангыр — «таяжная птица» [ПМА-2], чтобы ввести в заблуждение злых духов, лишить их возможности нанести вред ребенку.

Тувинцы Китая и Монголии живут в соседстве с преобладающим казахским населением. У них в обычаях наречения именем существует поверье о том, что ради спасения жизни новорожденного, если он родился слабым, нужно дать казахское имя, давая понять злым духам, что родившийся ребенок не принадлежит тувинцам. Монгольские тувинцы «ребенку дают казахское имя, показывая, что это не тувинец» [ПМА-4]. Китайские тувинцы говорят: «Ребенку дают казахское имя, чтобы он выжил» [ПМА-1]. Это поверье, распространенное у зарубежных тувинцев, отсутствует в материнском поле. Оно основано на суеверии тувинцев о том, что казахские дети, в отличие от тувинских, менее подвержены влиянию злых сил.

Заключение

В условиях современной цивилизации, в обрядах и верованиях материнского поля и зарубежных анклавах в наши дни тема защиты детей не утратила свою актуальность, данная тема имеет общие корни с тюрко-монгольскими народами. В ритуалах, направленных на защиту жизни малыша, имитируется смерть ребенка с целью обмана злых духов, чтобы лишить их возможности нанести вред ребенку и пустить нечистую силу

по ложному следу. У всех этнолокальных тувинских групп в этих обрядах наблюдается одинаковое ритуальное пространство — пограничная зона возле двери жилища, ритуалы являются «закрытыми» для посторонних, они совершаются в узком кругу. Хотя ритуалы имеют одинаковые цели, единую структуру и ритуально-мифологический подтекст, в них наблюдается вариативность в использовании предметного кода, а также при выполнении акциональных действий.

У всех этнолокальных групп выявлены общие поверья и запреты, которые призваны защищать детей от нечистой силы, от сглаза и порчи посторонних людей, удерживать жизненную силу детей, контролировать «излишки» детской одежды и вещей. В связи с тем, что зарубежные тувинцы долгое время проживают в соседстве с преобладающим казахским населением, в традиции имянаречения детей наблюдается отличие, проявляющееся в обычай давать тувинскому ребенку казахское имя, якобы дающее возможность защитить его жизнь. В отличие от зарубежных анклавов, в имянаречении российских тувинцев существуют представления о том, что имена разнополых близнецов должны иметь синонимичную семантику.

Выявлено, что у тувинцев России, Китая, Монголии обряды и верования, связанные с защитой жизни ребенка, содержат общетувинский пласт, но в некоторых случаях отмечаются вариативные особенности между материнским полем и зарубежными анклавами, в которых имеет место влияние соседствующих народов — монголов и казахов. В обрядах первого купания ребенка у российских тувинцев наблюдается сокращение временного кода по сравнению с прошлым; обряды, посвященные колыбели малыша, уже не проводятся, хотя оказались живучими представления о том, что детское место нужно защищать магическими предметами. Если в прошлом в представлениях тувинцев ранняя ходьба ребенка символизировала недолгую жизнь, то современные родители раннюю ходьбу малыша считают показателем физической развитости, что показывает определенную трансформацию мифологического знания современных тувинцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1980. 320 с.

Басаева К.Д. Брак и семья у бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1991. 192 с.

Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. М. : Восточная литература, 1961. 218 с.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л. : Гублит, 1926. 412 с.

Дьяконова В.П. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири / отв. ред. И.С. Кон, Ч.М. Таксами. Л. : Наука, 1980. 251 с.

Кара-оол Л.С. Лексика родильного обряда в тувинском языке // Oriental Studies. 2019. № 6. С. 1145–1155.

Кенин-Лопсан М.Б. Мифы тувинских шаманов. Тыва хамнарын торулгалары. Кызыл : Новости Тувы, 2002. 538 с.

Кон Ф.Я. За пятьдесят лет: Экспедиция в Сойотию. М. : Сов. писатель, 1936. 360 с.

Ламажаа Ч. К. Ребенок в тувинской культуре // Новые исследования Тувы. 2015. № 1. С. 79–89.

Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 28. Новосибирск : Наука, 2010. 373 с.

Ооржак С. С., Бавуу-Сюрюн М. В. Лексика обрядов по защите жизни детей в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 96–102.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1883. Вып. 4. 944 с.

Потапов А. П. Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 402 с.

Соломатина С. Н. Колыбель в обрядах и представлениях народов Саяно-Алтая // Этнические культуры Сибири: Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 147–153.

Сувандий Н. Д. Официальные и «вторые» имена этнических тувинцев Монголии // Oriental Studies. 2019. № 4. С. 661–668.

Юша Ж. М. Мотивы благопожеланий в обрядах детского цикла тувинцев Китая, России и Монголии // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1. С. 23–37.

Юша Ж. М. Обрядовая поэзия тувинцев: структура, семантика. Новосибирск : Апельсин, 2009. 160 с.

Юша Ж. М. Обряды детского цикла у тувинцев: традиции и современность // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 111–115.

Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая: Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск : Наука, 2018. 400 с.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск : Изд-во В. А. Данилова, 1900. 212 с.

Полевые материалы автора (ПМА)

ПМА — 1. Полевые записи 2018 г. в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР. Инф. Казакбай, 1957 г. р. Личный архив автора.

ПМА — 2. Полевые записи 2020 г. в Тес-Хемском кожууне Республики Тыва. Инф. Маадыр С. К-Д., 1968 г. р. Личный архив автора.

ПМА — 3. Полевые записи 2020 г. в Тес-Хемском кожууне Республики Тыва. Инф. Ойдуп С. Д., 1947 г. р. Личный архив автора.

ПМА — 4. Полевые записи 2023 г. в Батсумбэре Тов аймака Монголии. Инф. Торгобай, 1951 г. р. Личный архив автора.

ПМА- 5. Полевые записи 2020 г. в Эрзинском кожууне Республики Тыва. Инф. Тудуп С. А., 1951 г. р.

ПМА — 6. Полевые записи 2020 г. в г. Кызыл Республики Тыва. Инф. Шалык С. К-Д., 1973 г. р. Личный архив автора.

ПМА — 7. Полевые записи в Батсумбэре Тов аймака Монголии. Инф. Энхтайвайн Насанбаян, 1978 г. р. Личный архив автора.

REFERENCES

- Alekseev N. A. *Rannie formy religii tiurkoiazychnykh narodov Sibiri* [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1980, 320 p. (in Russian).
- Basaeva K. D. *Brak i semya u buryat* [Marriage and family among the Buryats]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1991, 192 p. (in Russian).
- Vainshtein, S. I. *Tuvintsy-todzhintsy: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tuvans-Todzha: Historical and ethnographic essays]. Moscow: Vost. lit., 1961, 218 p. (in Russian).
- Grumm-Grzhimailo G. E. *Zapadnaia Mongolia i Uriankhaiskii krai. Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran* [Western Mongolia and Uriankhai region. Anthropological and ethnographic sketch of these countries]. Leningrad: Gublit, 1926, 412 p. (in Russian).
- D'jakonova V. P. *Detstvo v traditsionnoi kul'ture tuvintsev i telengitov* [Childhood in the traditional culture of Tuvans and Telengits]. *Traditsionnoe vospitanie detei u narodov Sibiri* [Traditional education of children among the peoples of Siberia]. Leningrad: Nauka, 1980. P. 152–185 (in Russian).
- Kara-ool L. S. *Leksika rodil'nogo obriada v tuvinskom iazyke* [Tuvan vocabulary of birth rites]. *Oriental Studies*. 2019, no 6. P. 1145–1155 (in Russian).
- Kenin-Lopsan M. B. *Mify tuvinskikh shamanov. Tyva khamnarnyn torulgalary* [Myths of Tuvan shamans]. Kyzyl: Novosti Tuvy, 2002, 538 p. (in Russian).
- Kon F. Ia. *Za piat'desiat let: Ekspeditsiia v Soiotiiu* [For Fifty Years: Expedition to Soyotia]. Moscow: Sov. pisatel', 1936, 360 p. (in Russian).
- Lamazhaa Ch. K. *Rebenok v tuvinskoi kul'ture* [A child in the Tuvan culture]. *Novye issledovaniia Tuvy* [New Researchs of Tuvy]. 2015, no 1. P. 79–89 (in Russian).
- Mify, legendy, predaniia tuvintsev [Myths, legends, traditions of Tuvans]. ed. N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, Zh. M. Iusha. *Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. T. 28. [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Vol. 28].* Novosibirsk: Nauka, 2010, 373 p. (in Russian and Tuvan).
- Orzhak S. S. and Bavuu-Siuriun M. V. *Leksika obriadov po zashchite zhizni detei v tuvinskom iazyke* [The vocabulary of protecting children's lives in Tuvan language]. *Novye issledovaniia Tuvy* [New Researchs of Tuvy]. 2020, no 1. P. 96–102 (in Russian).
- Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii* [Essays of Northwestern Mongolia]. Saint Petersburg: Tip. V. Kirshbauma, 1993, vyp. 4, 944 p. (in Russian).
- Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the folk life of Tuvans]. Moscow: Nauka, 1969, 402 p. (in Russian).
- Solomatina S. N. *Kolybel' v obriadakh i predstavleniiakh narodov Saiano-Altaia* [The cradle in the rituals and ideas of the peoples of Sayano-Altai]. *Etnicheskie kul'tury Sibiri: Problemy evoliutsii i kontaktov* [Ethnic cultures of Siberia: Problems of evolution and contacts]. Novosibirsk, 1986. P. 147–153 (in Russian).
- Suvandii N. D. *Ofitsial'nye i "vtorye" imena etnicheskikh tuvintsev Mongolii* [Ethnic Tuvans of Mongolia: Official and "Second" Names]. *Oriental Studies* [Oriental Studies]. 2019, no 4. P. 661–668 (in Russian).
- Yusha Zh. M. *Motivy blagopozhelaniia v obriadakh detskogo tsikla tuvintsev Kitaia, Rossii i Mongolii* [Motives of good wishes in the rites on the children's cycle of Tuvans of China, Russia and Mongolia].

Russia and Mongolia]. *Syuzhetologiya i syuzhetografija* [Studies in theory of Literary plot and narratology]. 2020, no 1. P. 23–37 (in Russian).

Yusha Zh. M. *Obriadovaia poezia tuvintsev: struktura, semantika* [Ritual poetry of the Tuvans: structure, semantics.]. Novosibirsk: Apel'sin, 2009, 160 p. (in Russian).

Yusha Zh. M. *Obriady detskogo tsikla u tuvintsev: traditsii i sovremennoст'* [Rituals of the children's cycle among the Tuvans: traditions and modernity]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia]. 2006, no 3. P. 111–115 (in Russian).

Yusha Zh. M. *Fol'klor i obriad tuvintsev Kitaia: Struktura, semantika, pragmatika* [Folklore and ritual of Tuvans at the beginning of the XXI-th centure: Strukture. Semantics. Pragmatics]. Novosibirsk: Nauka, 2018, 400 p. (in Russian).

Yakovlev E. K. *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniiia doliny Yuzhnogo Eniseia i ob'iasnitel'nyi katalog etnograficheskogo otdela muzeia* [Ethnographic overview of the non-native population of the Southern Yenisei valley and explanatory catalog of the ethnographic department of the museum]. Minusinsk: Izd-vo V. A. Danilova, 1900, 212 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 08.05.2024

Принята к публикации: 17.11.2025

Дата публикации: 31.03.2025